

СОН Н.А. КЛЮЕВА «ПУЧИНА КРОМЕШНАЯ» О ЕСЕНИНЕ И ГОГОЛЕ © 2025 г. Н.М. Солнцева

Аннотация: В статье впервые развернуто сопоставление религиозных, гражданских, творческих приоритетов, составивших аксиологию Н.А. Клюева и Н.В. Гоголя. Источником поставленных в статье вопросов стал сон Клюева «Пучина кромешная», в котором описана его встреча с Есениным и Гоголем в аду. Материалом исследования послужила духовная и художественная проза писателей. Для Клюева Гоголь — пример моральной чистоты и словесного мастерства. Ориентируясь на творческие и гражданские принципы Гоголя, Клюев, однако, был самостоятелен в своих мировоззренческих исканиях и художественной стратегии. Выявлены сходство сомнений Гоголя и Клюева в выборе между даром проповедничества и творчеством, а также различие в остроте их внутренних конфликтов. Рассмотрена роль духовных наставников в жизни писателей. Среди аспектов исследования — религиозное содержание их творчества, место inferнальных сущностей в текстах, мотивы апокалиптики, отношение к Церкви, значение душеспасительных наставлений в их произведениях и письмах. Особо анализируются сходное ответственное отношение Гоголя и Клюева к слову и различия в целях творчества, общественных убеждениях — стремлению Гоголя сохранить «узаконенный порядок вещей» противопоставлены взгляды Клюева-оппозиционера. К анализу привлекаются статьи Д. Мережковского, В. Розанова, письма Клюева к А. Блоку, М. Горькому, С. Есенину, А. Шириевцу, концепция вестника в «Розе мира» Д. Андреева.

Ключевые слова: ад, воззрение, проповедничество, религиозный, сомнения, творчество.

Информация об авторе: Наталья Михайловна Солнцева — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские Горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7500-0003>

E-mail: natashasolntseva@yandex.ru

Для цитирования: Солнцева Н.М. Сон Н.А. Клюева «Пучина кромешная» о Есенине и Гоголе // Сергей Есенин в контексте русской и мировой культуры / науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН; Константиново: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2025. С. 403–414. — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-403-414>

N.A. KLYUEV'S DREAM "THE ABYSS IS PITCH BLACK" ABOUT ESENIN AND GOGOL © 2025 Natalya M. Solntseva

Abstract: For the first time the article presents a detailed comparison of religious, civic, creative priorities that formed the axiology of N.A. Klyuev and N.V. Gogol. The source of the

questions raised in the article was Klyuev's dream "The Abyss is Pitch Black", which describes his meeting with Esenin and Gogol in hell. The research material was the spiritual and artistic prose of the writers. For Klyuev, Gogol is an example of moral purity and verbal mastery. Guided by Gogol's creative and civic principles, however, Klyuev was independent in his ideological pursuits and artistic strategy. The similarity of Gogol's and Klyuev's doubts about the choice between the gift of preaching and creativity, as well as the difference in the severity of their internal conflicts is revealed. The role of spiritual mentors in the life of the writers is considered. Among the aspects of the study are the religious content of their work, the place of infernal entities in the texts, the motives of the apocalypse, the attitude to the Church, the meaning of soul-saving instructions in their works and letters. A special analysis is made of the similar responsible attitude of Gogol and Klyuev to the word and differences in creative goals and public beliefs — Gogol's desire to preserve the "legitimate order of things" is opposed by the views of Klyuev, the oppositionist. The analysis involves articles by D. Merezhkovsky, V. Rozanov, letters from Klyuev to A. Blok, M. Gorky, S. Esenin, A. Shiryayevs and the concept of a harbinger in D. Andreev's "The Rose of the World".

Keywords: hell, view, preaching, religious, doubts, creativity.

Information about the author: Natalya M. Solntseva, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bld. 51, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7500-0003>

E-mail: natashasolntseva@yandex.ru

For citation: Solntseva, N.M. "N.A. Klyuev's Dream 'The Abyss is Pitch Black' About Esenin and Gogol." *Sergey Esenin in the Context of Russian and World Culture: Acad. and ex. ed.* Natalia I. Shubnikova-Guseva. Moscow, IWL RAS Publ.; Konstantinovo, The State Museum Reserve of S.A. Esenin, Publ., 2025, pp. 403–414 (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-403-414>

В аксиологии Н.А. Клюева Н.В. Гоголь — мера нравственных смыслов и творческих ценностей. Например, в письмах 1933 г. к А. Яр-Кравченко он советовал ему идти по жизни тропой Гоголя и, рассуждая о служении великой идее вплоть до собственной гибели, указывал на Гоголя. Более того, Гоголь для него — провидец. Размышляя в письме 1936 г. (сентябрь — начало октября) к Н.Ф. Христовой о домонгольской Руси как отражении Небесной Церкви на земле, он обращался к Гоголю, провидевшему именно такую Русь.

Но не так все однозначно.

Встреча

По-видимому, Клюев проецировал на себя духовные терзания Гоголя. Вспомним сон «Пучина крошечная», который он увидел 1 января 1926 г. В аду он встречает нагого человека — С. Есенина. Есенин пытается вступить с ним в диалог — просит меду, говорит, что не пьян, но Клюев не отвечает. Скорее всего, не успевает ответить, так как Есенина, насквозь прошитого цепью, бес гонит погонялкой-змеем. Картина столь же ужасная, как в двадцать четвертой и двадцать пятой песнях «Божественной комедии»: там змеи скручивают и пронзают тела грешников. Далее Клюев встречает другого человека: он идет лишь по поверх-

ности кровавой пучины, одет в черное, лицо его, «как воск, легкое и тонкое»¹. С ним состоялся короткий, но содержательный диалог: «Николай Васильевич Гоголь?» — «Да, — говорит, — это я. Пока еще здесь, за сомнения. Вы все написали, что я вам советовал? У меня был молитвенник — о<тец> Матвей, к вам же я послал Игнатия. Писать больше не о чем...»². Приведенные эпизоды сна полярны по смыслу. Для Есенина Клюев стремился быть наставником, но Есенин ушел от него «разбойными тропинками»³. Гоголь для Клюева — наставник, каждое его слово, сказанное во сне, — ключевое. Но Гоголь — наставник, переживший некие духовные шатания, и после смерти его подвергли испытаниям. Впрочем, сам Клюев — духовный максималист, как и Гоголь, — увлекался ложными идеалами. Например: «Я книжку <“Ленин”> намарал, / В ней мошкara и жуть болота, / От птичьей желчи и помета / Слезами отмывался я, / И не сковать по мне гвоздя, / Чтобы повесить стыд на двери!»⁴. С такой же откровенностью писал о своих слабостях Гоголь («Выбранные места из переписки с друзьями», 1847): «Я почувствовал презренную слабость моего характера, мое подлое малодушие, бессилие любви моей»⁵; «во мне заключилось собрание всех возможных гадостей, каждой понемногу, и притом в таком множестве, в каком я еще не встречал доселе ни в одном человеке»⁶. В «Авторской исповеди» (1847) он писал о желании «победить в себе все щекотливые струны самолюбия личного и гордости личной»⁷.

О сомнениях

Д.Л. Андреев («Роза мира»; 1958) увидел в Гоголе разрушающего себя вестника «нисходящего ряда», отнес его к трагическим гениям, «павшим жертвой неразрешенного ими внутреннего противоречия»⁸, что соответствует словам Гоголя о своих сомнениях из сна Клюева. Таков же, по мысли Андреева, был А. Блок. Отметим, что отношения Блока и Клюева — важнейший этап в поисках истины. Как писал Андреев, к вестникам, будь то Л. Толстой, Ф. Достоевский, С. Есенин, М. Горький, В. Короленко, В. Маяковский, Л. Андреев, В. Хлебников, А. Белый, предъявляются высокие требования: растлевали ли они свой дух? не употребляли

¹ Клюев Н.А. Словесное древо. Проза / вступ. ст. А.И. Михайлова, сост. и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. С. 94.

² Там же.

³ Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / предисл. Н.Н. Скатова; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост. и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. С. 654.

⁴ Там же. С. 752.

⁵ Гоголь Н.В. Духовная проза / вступ. ст. В.А. Воропаева; сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М.: Русская книга, 1992. С. 125

⁶ Там же. С. 128.

⁷ Там же. С. 291.

⁸ Андреев Д.Л. Роза мира: метафилософия истории / предисл. А. Андреевой; послесл. В. Грушецкого. М.: Прометей, 1991. С. 176.

ли ли творчество во зло?... Ничего подобного в жизни Гоголя не было, но Андреев разъяснил, в чем заключалась суть его внутреннего конфликта: в нем сталкивались дар проповедничества и дар художника. Кроме того, он отметил, что Гоголь переживал свои противоречия «с неимоверной жгучестью»⁹. С одной стороны, в «Авторской исповеди» есть ответ на критику «Выбранных мест из переписки с друзьями»: Гоголь в своей книге следовал за тем, «что было на душе», все-таки он «еще не монах, а писатель»; в статье «Искусство есть примирение с жизнью» (1848) он высказался в пользу литературы: в ней — его «главные грехи», но она же — главное в его жизни, и не его дело «поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье»¹⁰. С другой стороны, в «Авторской исповеди» есть сомнение: «точно ли поприще писателя есть мое поприще»; в «Размышлениях о Божественной литургии» (<конец 1840-х>) высказано намерение вообще уйти в монастырь: Гоголь полагал, что монашество — высший удел человека, но там же признался, что не готов распроститься с миром.

У Клюева были те же сомнения. Он чувствовал в себе дар проповедника, что видно из его писем, эссе, высказываний. Например: «Не хочу быть литератором, только слов кощунственных творцом <...> То, что я пишу, это не литература, как ее понимают обычно»; «Не литератором модным хотелось бы мне стать, а послушником у какого-нибудь Исаака Сириянина»; «Радость моя не в книгах, а в изумлении духовном»; «Мне надо идти куда-нибудь в приход священником»¹¹. В 1922 г. ему привиделся сон «Царь славы»: он облачен не в мирскую одежду, а в «белолапленную ризу»¹², видит себя с жезлом в руке, на голове — трехъярусный венец. В «Гагарьей судьбине» (1922) Клюев о своем писательском даре отозвался даже уничижительно: «Все, что написал и напишу, я считаю только лишь мысленным сором и ни во что почитаю мои писательские заслуги»; в автобиографии (<1930?>) повторил: «Почитаю стихи мои только за сор мысленный — не в них суть моя»¹³.

Проповеднический дар обязывал к соответствию высокой миссии. В «Авторской исповеди» есть слова о желании собственного совершенства, призыв к людям быть совершенными, «...как совершенен Отец наш Небесный»¹⁴. Но и Клюев, судя по «Гагарьей судьбине», стремился участвовать именно «в плане Бога»¹⁵.

⁹ Там же. С. 177.

¹⁰ Гоголь Н.В. Духовная проза. С. 294, 410.

¹¹ Клюев Н.А. Словесное древо. Проза. С. 52, 56, 57, 60.

¹² Там же. С. 83.

¹³ Там же. С. 37, 47.

¹⁴ Гоголь Н.В. Духовная проза. С. 295.

¹⁵ Клюев Н.А. Словесное древо. Проза. С. 35.

Наставники

Была ли в Клюеве та «неимоверная жгучесть», которую Андреев отметил в Гоголе, переживавшем свое недостойство в стремлении к личной праведности и выбиравшем между творческой свободой и ортодоксией проповедника? Рядом с Гоголем был ржевский священник о. Матвей (Константиновский) — талантливый проповедник и требовательный духовный наставник, критически отнесшийся к «Выбранным местам из переписки с друзьями», воспротивившийся опубликованию второго тома «Мертвых душ» и считавший, что человек должен прежде сам духовно возвыситься, чтобы проповедовать другим. Гоголь верил, что спасется благодаря наставлениям о. Матвея, и у Гроба Господня поминал имя своего духовника. Но известен и взгляд (не бесспорный) Д.С. Мережковского («Гоголь и черт», 1906) на роль о. Матвея в духовном конфликте Гоголя между живой жизнью и религиозным аскетизмом: Гоголь раздвоен, о. Матвей един, и, «как твердый дубовый клин в расщепленное дерево, это единство о. Матвея врзалось в раздвоенное существо Гоголя и раскололо его окончательно»¹⁶. Известны отзывы (тоже не бесспорные) В.В. Розанова («Талантливость и бесталанность в духовенстве», 1901; «Небесное и земное», 1901; «О священстве и “благодати” священства», 1902) об о. Матвее: «образовалось духовенство — без вдохновения, недвижимое», миру тяжело от его «несломимой гордыни», о. Матвей — «не человек, а некоторая божественная вещь, божественное существо»¹⁷. Мережковского и Розанова поразило то, что о. Матвей потребовал от Гоголя отречься от Пушкина. Но резкость Мережковского и Розанова можно объяснить и тем, что каждый прошел свой путь к новому религиозному сознанию, тогда как о. Матвей — выразитель исторического христианства (упомянутого в статье Мережковского).

Приснившийся Клюеву Гоголь сообщает, что послал к нему Игнатия — автора аскетических сочинений. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в одном из писем 1847 г. критично отзывался о поучающей направленности «Выбранных мест из переписки с друзьями»¹⁸. Смысл письма о. Игнатия можно свести к следующему: в книге Гоголя есть горячность сердца и вдохновение, есть свет, но есть и тьма; есть религиозные суждения мирянина, но нет знания истины. Гоголь смиренно принял мнение святителя. В сне Клюева после слов Гоголя об о. Матвее и о. Игнатии, как приговор, следует фраза «Писать больше не о чем...» Но Клюеву было о чем писать до конца своей жизни. Он без рефлексий совместил свой художественный дар и дар проповеднический, не сжег ни «Погорельщину» (1928),

¹⁶ Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет / сост. Е.Я. Данилова. М.: Сов. писатель, 1991. С. 292.

¹⁷ Розанов В.В. Собр. соч. Около церковных стен / общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 152, 473.

¹⁸ 4 (16) апреля 1847 г. П.А. Плетнев выслал копию письма Гоголю в Неаполь.

ни незаконченную «Песнь о великой матери» (между 1929 и 1934), ни «Кремль» (1934). Своим духовным наставником он считал преподобного Серафима Саровского — «Серафима-брата, радости учителя»¹⁹, который в 1922 г. явился ему во сне простым старичком-странником и вселил в его душу радость.

Об инфернальном

Ад с аллюзиями на «Божественную комедию» снился Ключеву не раз, там он непременно встречал Есенина-мученика и сам изнемогал от ужаса. Видения инфернального мира вставали перед ним с настойчивостью, равной частотности чертовщины в прозе Гоголя. Это касается и его ощущения советской России. Так, Е.Ф. Вихрев привел высказывание Ключева 1929 г.: «Красные знамена — это языки пламени подземного, адова, преисподнего огня. Ленин — земная черная сила», тогда как «Серафим Саровский — светлая сила»²⁰. В поэзии Ключева часты темы апокалиптики: «С нетопырем заместо сердца...», «Антихрист близко! Гибель, гибель...», «Знать, новоселье правят бесы»²¹ и т. п. Впрочем, гоголевские «свинные рыла» маркировали и дореволюционную реальность; так, в письме 1913 г. (после 19-го ноября) к Блоку Ключев выразил мысль о разноликости деревни через упоминание Сергия Радонежского и «свиного рыла». Инфернальной сущности под силу изначально вжиться в человеческую плоть, так в мир приходит зло: «Тогда у матери родящей / Змея вселяется в приплод, / И в светлый мир приходит кот, / лобасто-рыжий и смердящий», он «убийца матери великой»²², в данном контексте — России. Возможно, свою роль в частом обращении Ключева к теме ада сыграл распространенный в старообрядческой культуре сюжет о Страшном суде, который не мог не впечатлить Ключева еще в детстве, как потрясали маленького Яновского описания вечных мук в рассказах матери. Можно предположить, что в целом мистическая образность Гоголя и Ключева имела сходные источники: матери писателей были хранительницами народной культуры, включая поверья с их сверхъестественными историями. Кроме того, Ключева с детства посещали видения, они же были спутниками Гоголя. Встреча Ключева в аду с Есениным и Гоголем отсылает нас к подобному эпизоду из «Розы мира»: в своих трансфизических путешествиях Андреев оказывается в Агре — слое бытия со зловещим ландшафтом, в котором нет ни солнца, ни звезд, но есть черное небо; там он встречает Блока, которого подняли в Агр из Дуггура — «слоя демонических стихий»; Блок уже все испытал, и Андреев замечает, что теперь «испепеленное подземным пламенем лицо его начинает превращаться в просветленный лик» — он

¹⁹ Ключев Н.А. Словесное древо. Проза. С. 79.

²⁰ Николай Ключев. Воспоминания современников / сост. П.Е. Побережкиной, вступ. ст. Л.А. Киселевой; коммент. Л.А. Киселевой и др. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 553.

²¹ Ключев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. С. 764, 786, 810.

²² Там же. С. 764.

«вступил уже в Синклит России»²³. Видение Андреева о посмертном существовании вестника, на земле пережившего «трагедию духовного спуска»²⁴, конечно, отвечает мысли Гоголя и Клюева о долге (любви), ответственности (участии в замысле Бога) писателя, но и говорит о его неизбежных сомнениях.

О Церкви

В высказываниях старообрядца Клюева достаточно уничижительного по отношению к Церкви. Это чувство закрепилось в нем во время раннего общения с эсерами, но и позже, в «Красном набате» (1919), он писал о «продажной синодальной Церкви», о народе, пребывающем под «церковным духовным изнасилованием»²⁵, что отсылает нас и к известным высказываниям Есенина того времени. В духовной прозе Гоголя, напротив, Церковь представлена самой жизнью, он с глубочайшим почтением относился к духовенству, в целом к Церкви: духовенство не бездействует, а Церковь поступает мудро.

Религиозный смысл литературы

Религиозные смыслы творчества Гоголя и Клюева очевидны. В духовной прозе Гоголя сложился большой свод душеспасительных мыслей и наставлений. В «Размышлениях о Божественной литургии» (1840-е) Гоголь подробно изложил свое понимание Божественной литургии; в «Правиле жития в мире» (<1843–1844>) он сетовал на то, что люди мирское любят больше Бога, тогда как все, кроме Бога, второстепенно, и считал, что воспитание должно протекать в размышлениях о долге и достижении «высочайшего незлобия», что надо избегать уныния — «истого искушения духа тьмы», что надо совершить «подвиг христианского мужества»; он верил, что препятствия — это ступени восхождения к «вечному блаженству»²⁶. Гоголь поучал, как относиться к справедливым и несправедливым упрекам, как справляться с гневом, что надо бояться огорчить Бога («О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии» <1843–1844>). По поводу «Мертвых душ» Гоголь («Выбранные места из переписки с друзьями») писал о том, что нужно быть просветленным «понятием о справедливости Божией, а не человеческой», иначе «все обратится во зло»²⁷. В поэзии и прозе Клюева часты обращения к Богу, Богородице, православным святым, в композиции его поэмы ключевое место занимают многочисленные упоминания и описания икон, аллюзии на Ветхий и Новый Заветы, и это соответствует призывам Гоголя напол-

²³ Андреев Д.Л. Роза мира: метафилософия истории. С. 272–273.

²⁴ Там же. С. 177.

²⁵ Клюев Н.А. Словесное древо. Проза. С. 129.

²⁶ Гоголь Н.В. Духовная проза. С. 391, 932–933.

²⁷ Там же. С. 124.

ниться библейским духом, открывать Ветхий Завет ради понимания современности — так можно увидеть, в чем она преступила перед Богом.

Клюев, вслед за Гоголем, обращался к теме силы и слабости человека. Как Гоголя, его тревожила податливость человека (обычного и творческого) злу: «ангел с облачною ветвью / Оборотился в кобеля!»²⁸; он говорил, что люди без ангела в сердце — «мёртворожденные сыны своих мёртвых отцов»²⁹. В духовной прозе Клюева «Очищение сердца», изложенной в томском письме к Христовой (1934–30 апреля 1935), содержатся размышления о тех, чья совесть не пробудилась, кто боится суда, смерти, но не греха, о тех, кто не хочет грешить, но не грешить им не удастся, о тех, чье сердце очищено и чья жизнь согласуется с Писанием; он писал, что Христос начинает жить в сердце только после очищения, что очистить сердце может только Бог через Духа Святого и слово, и указывал ей на места в Библии, которые она должна перечитать. Гоголь считал, что высоким целям искусства должна соответствовать личность творца — прежде он должен воспитать в себе человека и гражданина «земли своей»³⁰. Вот и в письмах Клюева достаточно назидательного и требовательного, особенно к Яр-Кравченко. Хотя он писал ему, что никому не навязывает своей правды, но 14 февраля 1933 г. настойчиво призывал для творческого роста накапливать знания в философии, изучать древности, черпать опыт из музыкальных сочинений, даже понимать «прелесть варварства» и, конечно, знать страдание, оставаясь «теплым и ясным»; 23 мая 1933 г. он предупреждал его о карме за измену «своему внутреннему посвящению»³¹. В письме к А.В. Ширяевцу от 16 июля 1913 г. есть действительно нужные творческие наставления, 3 мая 1914 г. он советовал ему не быть открытым перед столичной литературной элитой; В.С. Миролюбову (вторая половина 1913 г.) он раскрыл свое понимание любви — бесовской, любви-радости в учении Франциска Ассизского, любви жертвенной вплоть до растления себя ради чистоты другого; Есенину в августе 1915 г. советовал не доверять «ласкам поэтов-книжников»³², 28 января 1922 г. пророчил ему быть обреченным на заклятие за Россию; около 30 ноября 1911 г. он указал Блоку: «но сон обуял Вас», после 19-го ноября 1913 г. писал ему о грехах Москвы и Петербурга, где «всякая чистота считается самарянскою проказою»³³. Э. Ло Гатто рассуждал о религиозной укорененности творчества Клюева, которая в «Погорельщине» выразилась в подлинном страдании, возвысившем его над всякого рода литературными влияниями; итальянский славист вспомнил его слова о беспощадном

²⁸ Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. С. 696.

²⁹ Клюев Н.А. Словесное древо. Проза. С. 55.

³⁰ Гоголь Н.В. Духовная проза. С. 411.

³¹ Клюев Н.А. Словесное древо. Проза. С. 287, 304.

³² Там же. С. 237.

³³ Там же. С. 190, 212.

уничтожении религиозности русских крестьян; наконец он пророчески написал о его личных испытаниях за веру: «заплатил и готов был еще заплатить дорогой ценой за свою веру»³⁴.

Об ответственности за слово

В силу своей религиозности Гоголь и Клюев ответственно относились к слову. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» (глава «О том, что такое слово») есть максимы о необходимой безупречности поэта на поприще слова, о недопустимости неискренности, необдуманности, торопливости, опасности шутить со словом. В письме Клюева к Блоку от 5 ноября 1910 г. содержится упрек декадентам за «ложные мысли о величайшей тайне»: «Бог и Мировая Душа не могут быть предметом каких бы то ни было художественных описаний», «человеческому слову всегда есть предел, молчание же беспредельно»³⁵. Более того, в письме к Блоку конца октября 1908 г. Клюев резко отозвался о книге «Земля в снегу» (1908), создававшейся как раз в размышлениях о назначении поэзии: «Многие стихи из Вашей книги похабны по существу, хотя наружно и прекрасны <...> Отдел “Вольные мысли” — мысли барина-дачника <...> Стихотв<орения> “Песельник”, “Пляска” — балаганные прищелкивания про Таньку и Ваньку»³⁶. Показателен сон Клюева «Два пути» (1922) о противоположных — собственном и Есенина — творческих приоритетах: дорога Клюева покрыта светлым песком, с каштанами и дубами, с изваяниями Сократа, Сакья-Муни, Магомета, Данте; дорога Есенина — как из стирального мыла, вдоль растут кактусы, стоят каменные болваны Марка Твена, Ростана, Д'Аннунцио, Сергея Клычкова. Его высказывания о некоторых писателях прямые, хотя не во всем справедливые. Например, вскоре он был заморожен языком и мыслью прозы Клычкова: «Надо в ноги поклониться С. Клычкову за желанное рождество слова и плача великого»³⁷. Поначалу очарованный лирикой Есенина и увидевший в нем избранника, гражданского и религиозного пророка, он не смог распознать в нем его, Есенина, творческой правды. Не распознал он и «присутствия» в нем гоголевских творческих основ, на что указывали современники³⁸. Клюев, естественно, считал, что «перекося и ложь» в образах по-

³⁴ Николай Клюев. Воспоминания современников. С. 401.

³⁵ Клюев Н.А. Словесное древо. Проза. С. 186.

³⁶ Там же. С. 173–174. Клюев попросил у Блока прощения в письме, написанном в ноябре — декабре 1908 г.: «Простите меня, не омрачайте своих образов моей грубостью, ибо Вы истинны в “своей” правде, без которой Вы не художник, и только теперь я так больно почувствовал это» (Там же. С. 174).

³⁷ Там же. С. 73.

³⁸ Из отмеченного современниками о связи «Гоголь — Есенин» (в сундуке отца лежат книги Есенина, это Библия, Пушкин, Гоголь (Е.А. Есенина); в разговорах Есенина о литературе повторяются имена Пушкина и Гоголя (В.С. Чернявский, И.И. Старцев, И.В. Евдокимов,

рождают в читателе привкус «аспидного пресс-папье»³⁹, и был резок: интеллигенция не говорит по-русски, какая-нибудь баба точнее в языке, чем «Пепел» А. Белого; Городецкий — «опустошенный»; Ходасевич — «мертвая кость»; Вересаев — «без божества, без вдохновенья»; стихи Рождественского «размерены циркулем»⁴⁰ и проч. Однако мнение, высказанное им в первой половине 1920-х гг., не исчерпывало всех смыслов творчества. Например, в 1923 г. он снисходительно отозвался о лирике Ахматовой: «Ахматовские бисквиты стали вкусны для чистой публики», через три года признался, что понимает «как никто всю ее женственность»⁴¹, в 1932 г. написал: «Ахматова — жасминный куст, / Обожженный асфальтом серым, / Тропу утратила ль к пещерам, / Где Данте шел и воздух густ, / И нимфа лен прядет хрустальный? / Среди русских женщин Анной дальней / Она как облако сквозит / Вечерней проседью ракит!»⁴².

Цели творчества

В творчестве Клюева (и когда он желал революции, и когда он ушел в оппозицию по отношению к новой власти) гармонично соединились лиризм, религиозность, гражданственность. Он словно воспринял творческий завет Гоголя: задача искусства — разбудить души, спящие богатырским сном, но одной сатирой зла не победить. Однако между их пониманием конечной цели искусства было глубокое различие. В письме к В.А. Жуковскому от 10 января 1848 г. Гоголь писал о том, что «искусство есть примирение с жизнью», что оно «должно быть свято», что оно «есть тоже служба» и его цель — «доброе влияние на общество», но не намеренное осмеяние «узаконенного порядка вещей»; более того, он полагал, что писателю не следует представлять свою трактовку жизни, достаточно «выставить жизнь лицом», показать доблестные и дурные «народные наши качества и свойства»⁴³. Смысл искусства, по Гоголю, не в разрушении, а в созидании, в водворении в душу и общество «стройности и порядка»⁴⁴. В этой тезе выражена гражданственность Гоголя. В статье «О сословиях в государстве» (середина

В.Ф. Наседкин); его обращение к творческому опыту Гоголя, например в отказе от любовной интриги (И.Н. Розанов); его сильное впечатление от «Мертвых душ» (А.К. Воронский, И.И. Старцев); подмеченная содержательная выразительность его и Гоголя произведений, например «Песни о собаке» и «Шинели» (Ю.П. Анненков), в целом созвучие известного лирического отступления из шестой главы «Мертвых душ» творчеству Есенина (А.К. Воронский, С.А. Толстая-Есенина и др.) вырисовывается их глубокое лирическое сродство.

³⁹ Там же. С. 55.

⁴⁰ Там же. С. 57, 60, 67–68.

⁴¹ Там же. С. 59, 68.

⁴² Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. С. 575. Эпиграф к «Решке» («Поэма без героя», 1962): «...жасминный куст, / Где Данте шел и воздух пуст». Ахматова А.А. Собр. соч.: в 6 т. / сост., коммент., ст. Н.В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 3. С. 191.

⁴³ Гоголь Н.В. Духовная проза. С. 47–48.

⁴⁴ Там же. С. 411.

1840-х) он, по сути, высказал свой идеал «узаконенного порядка вещей»: форма правления исходит из духа самого народа, местности, истории, но в народном правлении проявляется анархия, монархический тип правления приводит к иерархической власти чиновников, тогда как государю должны быть равно близки и демократия, и аристократия, государь должен отречься от себя и своей собственности, дворянство должно заботиться о низших сословиях, крестьяне должны иметь право совещаться между собой, граждане — это хранители благосостояния страны.

В отличие от Гоголя, Клюев до и после революции критиковал именно «узаконенный порядок вещей». Например, уже в его письмах 1918 г. прозвучали интонации плача; осенью 1918 г. он писал Горькому: «Революция сломала деревню», Миролубову: «Все, все погибло», Городецкому — о том, что его собственная жизнь «сметена дотла»⁴⁵. В «Повести скорби» (1933) он произнес: «Моя родимая земля / Расшита кровавой синелью»⁴⁶. Клюев и циклом «Разруха», и поэмами 1920-х – 1930-х (возможно, за исключением поэмы «Кремль»), да и ранней воинственной лирикой вносил в души не стройность и порядок, а порыв к разрушению основ. Цель Гоголя — духовно преобразить человека, виновного во всех болезнях России; Клюев тоже так считал, но он шел по пути эсеров, голгофских христиан, «скифов», потом — внутренней эмиграции (по Троцкому), и в конце концов был расстрелян как враг народа.

При этом Клюев вслед за Гоголем писал о своей любви к России даже несовершенной, духовно слабой, и в этом тоже проявилась миссия их творчества. «Если только любит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России»⁴⁷, — сказано в «Выбранных местах из переписки с друзьями». В «Погорельщине» читаем: «Оледенелыми губами / Над росомашными тропами / Я бормотал: “Святая Русь, / Тебе и каторжной молюсь”»⁴⁸.

Что еще сближает воззрения обоих писателей, так это вера в преодоление зла — в какого-нибудь (реального или метафизического) ревизора, в тех, кто принесет России «вечное добро» или в то, что Европа в трудное время «расслабления и развращения общего»⁴⁹ придет к нам за мудростью. «Погорельщина» заканчивается строками о том, что поддавшимся змиею людям, может, «И пахнет жасмином / От Саронских гор!»⁵⁰; там же описано символическое для России возрождение города Лидды. Либо путь России — скифский; как в «Песни о великой матери» полагал схимонах Савватий: «Но дивный Спас! Змею копыта, /

⁴⁵ Клюев Н.А. Словесное древо. Проза. С. 247, 249, 251.

⁴⁶ Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. С. 697.

⁴⁷ Гоголь Н.В. Духовная проза. С. 135.

⁴⁸ Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. С. 685.

⁴⁹ Гоголь Н.В. Духовная проза. С. 190–191.

⁵⁰ Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. С. 695.

За нас, пред ханом павших ниц, / Егорий вздыбят на граните / Наследье скифских кобылиц!»⁵¹.

Клюев, описывавший глубины морального падения человека, верил и в его возрождение. Примером святости была его мать — героиня «Песни о великой матери». В его понимании судьба русского народа — огненная, русские — народ многострадальный, ему вручены ключи от Врат жизни, в нем есть самопожертвование, доброта, красота, милосердие. Гоголь изображал пороки русского человека, не умалял его раздоров и невежества, но и возвышал его; он писал А.М. Виельгорской 30 марта <1849 г.>: «Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово евангельское, возводящее к совершенству человека»⁵². Всем помнится концовка первого тома «Мертвых душ»: мчится Русь-тройка — божье чудо, все оставляет позади, а другие народы и государства посторониваются и уступают ей дорогу. В «Огненной грамоте» (<1919>) Клюев назвал русских «первенцем из племен земных, возлюбленным и истинным»⁵³.

В заключение следует отметить, что диалог Клюева с Гоголем видели уже его современники, например Н.А. Минх, М.Г. Иванов-Радкевич; особенно ярко аллюзии образа Клюева-Микулы на Гоголя и его прозу прозвучали в «Сумасшедшем корабле» (1930) О. Форш.

Список литературы

1. Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет / сост. Е.Я. Данилова. М.: Сов. писатель, 1991. 496 с.
2. Розанов В.В. Собр. соч. Около церковных стен / общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. 558 с.

⁵¹ Там же. С. 779.

⁵² Гоголь Н.В. Духовная проза. С. 420.

⁵³ Клюев Н.А. Словесное древо. Проза. С. 150.